

**Я тот, кем мог бы стать.
Шансы развития в биографии.
Из опыта биографического
консультирования**

Матіас Вайс радикально розглядає біографічне консультування як по-шук причин будь-якої життєвої кризи і життя взагалі не в минулому, а в майбутньому: не «що привело мене до цього?», а «куди це прагне?» — Оскільки саме так можна вловити дію справжнього архітектора долі людини — її першообразу, її істинного Я. Робота з власною біографією і біографічне консультування в наш час — це можливість на основі конкретних життєвих питань і криз відчути, чого саме хоче твоє істинне Я, проходячи через лабіринт життя й одночасно конструюючи його. Адже сучасні біографії більше не розгортаються визначеними шляхами. Сьогоднішнє життя потрібно вести, шукаючи не минуле — те, що постало, а майбутнє — те, що постає. Як практик із величезним досвідом живої роботи автор показує, в яких дивовижних дрібницях часто можна побачити дію долі, що дає схопити себе не стільки в сенсаційних потрясіннях, скільки «скраєчку», в невловимих деталях. В останній частині розглядається, як біографічний консультант, йдучи шляхом внутрішніх вправ, приходять до розуміння індивідуальних біографій і як це розуміння можна донести до людини, що звернулася за порадою.

A man in a dark suit and hat is shown in profile, holding a mask on a stick. The background is a textured, light-colored wall. The overall color palette is muted, with the man's suit and hat appearing in shades of grey and black, and the background in a light, textured tone.

Матиас Вайс

Я
ТОТ,
КЕМ МОГ БЫ
СТАТЬ

Шансы развития в биографии
Из опыта биографического
консультирования

Аннотация

Матиас Вайс радикально рассматривает биографическое консультирование как поиск причин всякого жизненного кризиса и жизни вообще не в прошлом, а в будущем: не «что привело меня к этому?», а «куда это стремится?» — Поскольку именно так можно уловить действие истинного архитектора судьбы человека — его первообраза, его истинного Я.

Работа с собственной биографией и биографическое консультирование в наше время — это возможность на основе конкретных житейских вопросов и кризисов ощутить, чего именно хочет твое истинное Я, проходя через лабиринт жизни и одновременно конструируя его. Ведь современные биографии больше не разворачиваются предначертанными путями. Сегодняшнюю жизнь нужно вести, ища не прошлое, ставшее, а будущее, становящееся.

Как практик с огромным опытом живой работы автор показывает, в каких удивительных мелочах часто можно увидеть действие судьбы, дающей ухватить себя не столько в сенсационных потрясениях, сколько «с краешку», в неуловимых деталях. В последней части рассматривается, как биографический консультант, идя путем внутренних упражнений, приходит к пониманию индивидуальных биографий и как это понимание можно донести до человека, обратившегося за советом.

ISBN 978-617-7314-82-9

© edition tertium, 1995

© Издательство «НАИРИ», Киев, 2021

От редакции

Эта книга стала для нашей редакции своего рода вызовом — мало какая другая рождала на своем пути к изданию столько сложностей и кризисов, которые нам приходилось преодолевать, иногда — через конфликты, часто — с переживанием некоего «затора», депрессии и «опускания рук». И всегда продолжение работы, кажущейся бесконечной, требовало «собраться с духом». Это оказалось для редакции примечательным самопознанием, выразившись в вопросе «что не так в нашем *привычном* стиле работы?» Но одновременно всегда оставалось ощущение, что именно с этим текстом и в этом его «преодолении» мы как нигде касаемся чего-то глубоко сущностного.

Матиас Вайс радикально рассматривает биографическое консультирование как поиск причин всякого жизненного кризиса и жизни вообще не в прошлом, а в будущем: не «что привело меня к этому?», а «куда это стремится?» — Поскольку именно так можно уловить действие истинного архитектора судьбы человека — его первообраза.

Он настолько радикально пытается отказаться от всего ставшего и искать становящееся, что это находит отражение и в речи: все непривычные сочетания слов и фраз, которые читатель встретит в дальнейшем тексте и которые редакция пыталась максимально точно передать, — не «корявый перевод». Они настолько же непривычны и в немецком оригинале, будто автор и здесь ставил цель максимально уйти от штампов и всего «привычного», но поймать жест нового.

При этом удивительно то, что тут нет и следа высокомерия или интеллектуальной игры словами: наоборот, с достойной

честностью автор отказывается от каких бы то ни было эзотерических спекуляций и всегда, подходя к границам миров, оставляет вопросы открытыми. Это выдает в нем не теоретика, а практика с огромным опытом живых встреч с людьми, ищущими совета в биографических консультациях.

Введение. Об обращении с лабиринтом

Люди пробираются по жизни, в сущности, как по лабиринту — и как-то в конце концов проходят его, однако затем едва ли в состоянии объяснить, как им это удалось. Многие мифы и произведения искусства, кажется, отражают именно такое положение вещей. Существуют произведения, сжимающие эту тему лабиринта в образ, в одну точку. Я, например, увидел особое понимание земного пути человека в фильме Салли Поттер «Орландо» (1992), снятом по роману Вирджинии Вулф.

Безусловно, работа с биографией и биографическое консультирование в наше время — не помощь в том, чтобы лучше пройти лабиринт. Да и что значит «лучше»? Если бы мы шли по нему с планом в руках, не было бы ни освобождения, ни изумления от неожиданности, а одно сплошное планомерное продвижение вперед. Но неожиданность есть то, что дает нам надежду.

Собственно, мы едва ли знаем что-то об этом лабиринте, через который мы пытаемся пробиться — то забавляясь, то в отчаянии, то исполненные сил, то в унынии. Единственное, что мы знаем, — это что он ведет все дальше и дальше. Под этим «дальше» я имею в виду выход из катастроф, поражений, и из счастья тоже — которое, как сформулировал Фрейд, является эпизодическим феноменом. Вопрос, таким образом, заключается в следующем: откуда мы знаем, что впереди всегда лежит дальнейший путь? Или — что остается, если мы вдруг — в ситуации, представляющейся безнадежной, во время изматывающего семейного кризиса, в состоянии внутреннего одиночества — теряем это знание?

Кто, собственно, конструирует этот лабиринт? Простой ответ: Господь Бог. За годы консультативной практики, когда приходилось советами сопровождать людей в их кризисные периоды, у меня сложилось впечатление, что положение дел гораздо сложнее, причем самым неожиданным образом: это мы сами постоянно по ходу дела выстраиваем лабиринт. Это наше Я. Есть, должно быть, некая незаметная для нашего повседневного Я инстанция, которая, обзревая наше прошлое и наши возможности по отношению к будущему, творит для нас нашу судьбу. Именно потому, что мы сами его строим, мы и знаем всегда, что в нашем лабиринте путь продолжается все дальше и дальше.

Каким образом наше Я — назовем его Высшим Я, так как это явно не повседневное Я, — делает это? Определенно, оно преследует некие цели и задачи, ведет нас ко встречам через разные судьбы, а также через банальности повседневной жизни. Этому Высшему Я посвящена первая часть настоящей работы.

Работа с биографией и биографическое консультирование не исходят из вопроса: «Как Вы хотели бы, чтобы все случилось?» Вы не получите советов, как быстрее или с наименьшими затратами пробраться через лабиринт. У биографического консультирования другая задача. На основе конкретных и насущных житейских вопросов и жизненных кризисов оно может помочь вам освоиться с мыслью, что это мы сами, проходя через лабиринт, конструируем его. Тем самым консультирование может нечто изменить в нашем *отношении*, с которым мы проходим лабиринт, но не в самом факте его прохождения. Так, во второй части настоящей работы мы попробуем на примере некоторых биографических феноменов показать, согласно каким точкам зрения мы строим наш лабиринт. Если это удастся, то в ходе консультации всплывает

идея, задающая пространство для действия: идея о том, что конструкция лабиринта исполнена смысла.

В третьей части работы рассматривается, как консультант приходит к пониманию индивидуального лабиринта и как это понимание донести до консультируемого. Для них обоих — и для консультанта, и для консультируемого — речь при этом идет не об интеллектуальной акробатике или скрупулезном психологическом анализе, а о пути упражнений. Консультант, который хочет понять чей-то индивидуальный жизненный путь, идет внутренним путем упражнений; но и тот, кто обратился за консультацией и ищет понимания своего лабиринта, с тем чтобы суметь в дальнейшем активно действовать, а не пассивно страдать, тоже должен идти путем упражнений.

Своим пониманием биографий и жизненных кризисов я обязан людям, которые, ища совета, приходят ко мне на биографическое консультирование. В беседах с ними, если все идет хорошо, рождается элемент удивления. Вдруг открывается панорама кризиса, панорама самого жизненного пути, неосознаваемая до сей поры ни одним из собеседников.

Далее, в своей работе я исхожу из антропософского представления о человеке — насколько я его понимаю. Для меня это наиболее современное и наиболее дифференцированное представление о человеке, вовлекающее его духовную сферу. При этом я чувствую себя обязанным некоторым авторам, свою связь с которыми я всегда ощущаю. У *Рудольфа Фрилинга*, христианского ученого и священника, я учусь точности феноменологического наблюдения и серьезному отношению к «тексту»: в нашем случае биографическим феноменам в их характерных проявлениях. У *Фридриха Вайнреба*, еврейского ученого и математика, я учусь мыслить в том, что лежит «между». Примыкая к каббалистической традиции, Вайнреб

вновь и вновь демонстрировал и прояснял действие сферы духовного вплоть до буквального и повседневного, то, как существенное и истинное находится *между* вещами. Что характерно: для того чтобы учиться у Фрилинга, у Вайнреба, а также у других авторов, которых я привлекаю (*Виктор Франкл, Бернард Ливехуд, Ханс Шаудер*), невозможно просто перенять их мышление и работу. Нужно сделать из них что-то свое. И потому настоящий труд, хотя и носит отпечаток мыслей этих людей, является все-таки субъективным, личностным и тем самым односторонним. Он передает лишь мой взгляд на вещи. Это записи из мастерской биографического консультанта.

Поэтому я имею право не брать на себя обязательства полностью раскрыть все. Многое описано неполно. Так, у меня не было потребности приводить по отдельным темам всю литературу, какую только можно по ним прочесть. Например, глава о двойнике раскрывает только один аспект этой темы, имеющий существенное значение в практике консультирования. Само собой, имеет смысл прочесть весь объем того, что можно найти в этой связи у Рудольфа Штайнера и у других антропософских и неантропософских авторов. Характер рабочих отчетов, присущий данной работе, объясняет также, почему в них отсутствует рассмотрение кармических взаимосвязей. Причина в том, что я как простой смертный не чувствую себя в состоянии оперировать этой центральной темой. Мои возможности видеть здесь заканчиваются. А голое реферирование имеющейся по этой теме литературы показалось мне бессмысленным.

Хочу только упомянуть еще, что другим источником импульса к пониманию человеческой биографии является для меня незамутненный какой-либо искусствоведческой подготовкой анализ произведений современного искусства. Мне кажется, долгие годы занятий произведениями, к примеру,

Алексея Яв ленского, Камиллы Клодель, Белы Бартока, Вильгельма Лембрука дали мне больше для понимания жизненного лабиринта и развития человека, чем изучение психологии. К этому роду плодотворных произведений искусства я отношу и упомянутый выше фильм «Орландо» (акценты в книге Вирджинии Вулф расставлены иначе, нежели в фильме), а также «Бал» («Le Bal», 1983 г.), говорящий о том, как человек на протяжении лет, десятилетий и воплощений загадочным образом остается самим собой — при всем своем прогрессе и при всем своем развитии.

Хочу от всего сердца поблагодарить Дагмар Волер и Уве Майнардуса, которые критически проработали первую редакцию книги и вдохновили вторую.

Матиас Вайс

Ноябрь 1994 г.

Часть 1

Я иду! Я иду!
Я иду сквозь преграды!
Иду сквозь разлуку к тебе
В этот момент единения
Чувствую восторг
Быть здесь, быть сейчас
Наконец я свободен
Да, наконец, наконец
Быть свободным от прошлого
И от будущего, которое манит меня

Я иду! Я иду!
Я здесь!
Ни мужчина, ни женщина
Мы соединены, мы одно
С человеческим лицом
Мы соединены, мы одно
С человеческим лицом
Я на земле
И я в космосе
Я рождаюсь и я умираю

Салли Поттер, завершающая песня из фильма «Орландо»

1. Элемент будущего в сегодняшних судьбах и биографический кризис

Под каким углом имеет смысл рассматривать биографию человека? Первое, что приходит в голову, — это изучить уже завершённую биографию, к примеру, личности художника начала века, или же разворачивающуюся биографию современника под историческим углом зрения: как все стало таким? Как пришел этот художник к своей манере рисовать? С

какими стилевыми направлениями он приходил в соприкосновение, с кем из коллег он сталкивался, исходя из каких личных переживаний он все снова и снова затрагивает в своих картинах определенную тему? Или: как так получилось, что мой сосед так и не женился и живет один в огромном доме? Какой опыт человеческих отношений привел его к такому положению? Как обстояло дело с его родителями? Какой груз отношений оставили они ему в наследство?

Можно было бы спрашивать так. Это будет историческое вопрошание: как случилось, что в моей жизни сейчас все именно так? Вопрошая исторически, мы задаем вопросы о причинах, о цепочках причин. *Почему* все так, как есть? И мы ищем тому причины в прошлом. Одна из главных заслуг психоанализа состоит, несомненно, в том, что он указал на причинноследственную связь между жизнью взрослого и его детскими переживаниями. В общем-то, это привычный образ мыслей, навязанный отчасти школой — рассматривать душевное и межчеловеческое каузальнологически: *поскольку* мой отец не принимал меня всерьез — я сегодня ни в чем не доверяю себе. *Поскольку* художник А два года посещал школу художника Б, он развивал затем именно этот стиль живописи.

Однако в нашем столетии все больше и больше кажется, что исторического наблюдения уже недостаточно для понимания человеческой биографии. Это каузальное вопрошание, этот поиск причинноследственных цепочек всегда представлялся чем-то важным и правильным. Однако они способны дать лишь весьма ограниченное понимание того, как современный человек индивидуализируется в своей биографии.

Вплоть до недавнего прошлого биографии людей — за некоторыми исключениями, в особенности людей искусства — были мало индивидуальными. Они были прежде всего типичными и предначертанными. Они были совсем не

пригодными к тому, чтобы искать в них что-то вроде индивидуализации. И поскольку в основном они были типичными, групповыми, классовыми или сословными — то их течение определялось прошлым: взятыми из прошлого ценностями и традициями. — Ты почему сапожник? — Потому что мой отец торговал кожами. — Почему ты вышла за него замуж? — Потому что наши родители были соседями и дружили.

Коль скоро биография «типична» и, прежде всего, от нее и ожидаешь «типичного» — то здесь достаточно исторического рассмотрения. Но поскольку в нашем столетии биографии все больше теряют типичное и в собственной биографии все больше ищется индивидуализация, нам требуется расширить угол зрения, если мы хотим понять отдельные биографии в их индивидуальном оформлении и сопровождать в консультировании.

Работа с биографией и биографическое консультирование последних лет возникли не из желания найти лучшее объяснение для отдельных биографий, но из желания научиться рассматривать их как нечто целенаправленное. Росла потребность в такой точке зрения или позиции, которые позволили бы задать биографии вопрос о ее смысле, сопережить и консультационно сопровождать ее.

Конечно, эта потребность вообще познавать смысл в биографии и уметь вести жизнь в том числе и в соответствии с его пониманием драматичным образом достигает своего апогея, когда человек попадает в личностный кризис, когда он не знает, как быть дальше. Тогда ты ищешь не просто знания, «как вышло так, что мне теперь так плохо?» — но ты стремишься выйти из этого кризиса, хочешь увидеть, что дальше, как он связан с продолжением твоей собственной жизни. Задаешься вопросом о смысле. И потребность в ответе растет неимоверно.

Например, домохозяйка средних лет обращается за помощью с вопросом, который свалился на нее как гром среди ясного неба: может ли она расстаться с мужем, имеет ли право, должна ли? Они поженились в ранней молодости, обоим было тогда по 19 лет. Знали они друг с друга с 12 лет. Все начиналось так гармонично: появились на свет трое детей, чудесные мальчики. До недавнего времени она полностью отдавалась домашней семейной жизни. Но года два назад в это супружество прокралась внутренняя пустота. В изумлении и тревоге супруги оказались перед лицом того факта, что они не знают, что делать друг с другом. Они начали прямо-таки сходить с совместного пути, без особенных ссор при этом. — И вот в такой ситуации женщина влюбляется в другого мужчину — тренера одного из своих сыновей, — что совершенно не входило в ее планы, чего она не желала и не искала. Растерянность, страхи, а также проявившиеся теперь страстные желания, с самого начала отравленные угрызениями совести — все это сегодня ей хорошо знакомо. В таком кризисном состоянии она приходит на консультацию, чтобы сориентироваться в этом пункте судьбы, в котором прошлое тонет, а будущее еще неразлично.

Насколько в этой ситуации можно помочь, вырабатывая лишь каузально-логические объяснения? Допустим, в качестве возможной причины будет обнаружен элемент ненадежности в отношениях маленькой девочки со своим отцом. Достаточно ли будет найти такие объяснения причин, чтобы понять, куда двигаться дальше? Насущный вопрос — не «откуда это?», а «куда это движется?» А также — какое место занимает и какое значение имеет этот кризис в контексте всей совокупности жизненных взаимосвязей человека? Как можно привести эту кризисную ситуацию в согласие со всеми остальными жизненными обстоятельствами? Как можно интегрировать ее

во всю биографию? Каков смысл этого кризиса? — Такие вопросы задает женщина о своем будущем.

Многие в наше время ищут консультации в подобных кризисах. Жизненный опыт, который раньше поддерживал, больше не поддерживает; житейские связи, партнерские отношения, профессия, которые годами придавали уверенности и воспринимались как нечто само собой разумеющееся, становятся вдруг чуждыми и неприятными. Во всем этом человек больше не чувствует себя дома. Привычные стратегии преодоления конфликтов больше не работают. Теперь уже недостаточно, как раньше, после каждой ссоры с женой пойти вместе «красиво поесть» в ресторане, а после неудачи на работе «уехать на несколько дней» или обвинить других. Накопленный ранее опыт больше не применим. Это ситуация кризиса. И по отношению к таким переломам, таким кризисам и эскалациям ситуации сегодня требуются такие вопросы: что хочет из этого получиться? куда это хочет привести? что хочет родиться отсюда, что без этого кризиса, очевидно, родиться не имело бы возможности?

Так можно подходить и к производству искусства, к картине какого-нибудь художника: какой будет его следующая картина? куда он хочет прийти с этим? что он ищет, именно так рисуя эту картину? Каждую картину, да и каждый момент биографии можно рассматривать как ищущее начало — хотя верно и то, что каждая картина и каждый момент биографии означает также и некий конечный пункт назначения.

Современная биография требует именно такой вопрошающей позиции, направленной вперед. Потому что современная биография больше не разворачивается предначертанными путями. Ее нужно все больше брать в свои руки и формировать. Сегодняшнюю жизнь нужно *вести*.

Однако это возможно только если видишь дальнейший путь. Этот взгляд раскрывает вопрос о смысле и содержит момент выпрямления. Задавая вопросы о смысле, направленные в будущее, я вновь встречаю самого себя как активного деятеля. Теперь я выхожу из пассивного страдания в кризисе. Вопрос, обращенный в будущее, позволяет увидеть возможности собственного активного участия в том, чтобы все двигалось дальше. Это момент выпрямления. Напротив, взгляд, ищущий объяснений, ведет в прошлое к образу самого себя как пассивно страдающего, имеющего «свой удел».

Таким образом, речь идет о том, чтобы, рассматривая современные биографии, выискивать направленный вперед выпрямляющий элемент и учиться вызывать его и апеллировать к нему, если мы желаем научиться сопровождать людей консультациями и советами. Самое важное не в том, чтобы иметь перед собой непрерывную взаимосвязь биографических дат, самое важное — кризисные моменты, поворотные пункты, обстоятельства, в которых необходимо принимать решение, сдвиги, перемены, короче говоря — переходные ситуации в конкретной биографии, если мы хотим увидеть, куда она хочет вырваться. В переходных моментах выражается нечто из того, что еще только хочет прийти к становлению. В переходах всегда следует считаться с тем, что кто-то пытается выпрямиться и дотянуться до самого себя. На миг человек вырастает над самим собой. На миг становится видимой красная нить, смысловая связь, и тогда возникает предчувствие, для чего человек взвалил на себя все эти трудности. В такие переходные моменты может стать видимым нечто от жизненных целей.

В большинстве случаев кризис начинается прямой противоположностью тому, к чему он хочет вывести. Сперва долгое время все идет хорошо. Потом все идет вкривь и вкось.

Потом наступает бессилие, элементарное бессилие: человек не знает больше, как все должно идти дальше. Это бессилие перед самим собой. Коль скоро во время кризиса человек все еще злится — на супруга, на детей, на тещу — значит, он не достиг еще той точки, которая здесь обозначена как бессилие. Только когда ощущаешь, что ядром кризиса является бессилие перед самим собой, с самим собой, что ты бессилён сам по себе, что ты низложен перед самим собой, признавая свои упущения, свою вину, свою ничтожность, свои иллюзии — только тогда возможно открытие ситуации, откуда можно «примкнуть» к сфере выпрямления. И это возникает в первую очередь не благодаря объяснениям, как все дошло до такой ужасающей ситуации; то, что ведет дальше, больше связано с вхождением нового: с отказом от устаревшего, хоть и считавшегося прежде важным, и с готовностью к новому. Когда человек разочарован в самом себе и бессилён перед самим собой, тогда возникает сущностный вопрос, который продвигает вперед: кто я на самом деле? кто я помимо всего того, что я о себе знаю и на что я — пока не начался кризис — был годен? кто я помимо всего того, чем я обладаю, что знаю и что умею? кто я помимо всего того, что меня привело к этому кризису, с чем я себя так сильно идентифицировал и что тем не менее столь бесполезно для меня сейчас?

Это вовсе не тот вопрос, на который можно ответить при помощи какого-либо психологического или характерологического заключения. Это вопрос «кем я еще не являюсь, но кем мог бы стать?» Это вопрос возможности развития, необходимости развития. Индивидуум сегодня суть нечто постоянно развивающееся. Он никогда не бывает полностью состоявшимся, созревшим. Индивидуум суть нечто, что через свою прошедшую историю еще только ищет себя в будущем.

Взросшее «бытие-в-себе», каким оно всегда устанавливается после совершенного шага развития, возникает из выпрямления, прямостояния перед лицом препятствий и противодействий, которые в большинстве случаев носят внутренний характер. Далеко не всегда их можно распознать с первого взгляда. Они могут, например, принять вид привычек, которые в кризисе будут мешать нам мыслить и действовать по-новому. В случае, когда требуется непредвзятый взгляд на новую жизненную ситуацию, препятствиями могут выступать эмоциональные впечатления раннего детства. Сопrotивление развитию может скрываться под видом самообмана: человек вообразил нечто о своих социальных качествах или душевных силах и не может пробиться сквозь это к реалистичному взгляду на вещи. Однако при некоторых обстоятельствах препятствовать развитию могут даже способности, опыт и компетенции: в кризисе ты упорно пытаешься привлечь имеющиеся у тебя надежные, испытанные способности, но теперь они бесполезны.

Тогда задачей биографического консультирования является апеллирование и призыв к этому качеству Я, этому элементу выпрямления: куда ты стремишься со всеми твоими способностями и неспособностями, уверенностями и неуверенностями? каким действием ты можешь примкнуть к выпрямляющей силе?

В биографическом консультировании необходимо обращаться к индивидуальному в его будущностном характере. Индивидуальное никогда не присутствует *целиком*. Биографическое консультирование в том и заключается, чтобы сопровождать его на пути к целостности. Консультант не ставит вопрос «чего бы Вам хотелось?», но «как могли бы Вы перед лицом возникшей теперь ситуации вести Вашу жизнь дальше, творя в ней смысл?» В этом и состоит помощь в развитии,

которую может предложить биографическое консультирование: помощь в развитии индивидуального и неповторимого в человеке. Жизненный кризис призывает активно овладеть судьбой, сформировать ее. «Познай самого себя» и «овладей собой» — это теперь одно и то же. Биографическое консультирование должно помочь найти направление на этом трудном и долгом пути деятельного самопознания.

Речь идет о самопознании, которое, будучи вызвано к жизни чаще всего кризисами и переходами, направлено в первую очередь в будущее, к тому, чем я еще не являюсь. Эта самость, которую я хочу или должен познать, возникает определенным образом лишь в момент выпрямления, когда ты «собираешься с духом». Познание и формирование здесь едины.

Так, в представленном выше случае лучше вести речь не о том, чтобы, анализируя прошлое, найти точные объяснения имеющемуся клубку отношений, а о том, чтобы найти смысл этого кризиса для обратившегося за советом человека и отсюда найти возможности действий, которые поведут его дальше; там речь шла о том, что всем трем взрослым участникам ситуации следует учиться независимости. Это видно и по тому, что в начале как раз выступила ее противоположность, за короткое время возникли очень жесткие новые зависимости: тренера от женщины, супруга от жены, женщины от морально осуждавшей ее подруги. Было ясно видно, что тем самым дошла до своего апогея жизненная тема этой женщины: зависимость (вначале от родителей, затем от мужа, позже от подруги) — как часто бывает ясно, что переживаемое как кризис вовсе не является еще собственно переломом, а напротив, лишь заострением, а иногда карикатурой того, что давным-давно присутствует в жизни. В обострении темы зависимости появилась возможность распознать призыв учиться независимости. Затем сложилась ситуация, в которой каждый из троих взрослых на свой лад смог

ей научиться: женщина разорвала отношения с тренером; она переехала с детьми в собственную квартиру. С мужем возникла сердечная дружба. Он жил один, проявляя, однако, большую заботу о детях. Тренер понял, что этими отношениями он просто хотел утешить себя после недавнего крушения собственного брака. Он решил, что будет жить дальше один, но искать такого расставания с женой, где сохранилось бы взаимное уважение.

Это не рецепт на все случаи жизни, но поступить так показалось правильным именно для *этих* индивидуальностей. В других случаях правильно совсем другое. Для всех троих деятельное самопознание заключалось в том, чтобы постараться, каждому на своем месте, научиться тому, чего все трое пока не имеют: элементу независимости.

2. Индивидуальный первообраз

Всякий раз приходится преодолевать известную робость, когда говоришь о духовном сущностном ядре человека. Речь идет о его «Высшем Я» или «Высшей Самости», о его первообразе. Это самое индивидуальное в человеке, а потому и самое интимное.

Когда человек в беде, в кризисе, потерпев крушение, пробивается к ядру собственной сущности — это всегда волнующее событие. Сущностное содержание биографического консультирования состоит в том, чтобы добиться этого и сопровождать человека в этом опыте. Естественно, такие прорывы происходили и происходят и без помощи консультантов. Человек пробивается к трудному решению — и это выглядит так, как если бы он в некоем высшем смысле пришел домой, к себе самому. Он сам может переживать это так, будто там его уже кто-то ждал. В самом деле: его ждал он сам, его собственный первообраз, к которому он через борьбу пробивался, к которому он, выпрямляясь, поднимался. И он ощущает: только теперь я есть Я.

Каждый знает, хотя бы на уровне смутного чувства, что существует «нормальная» сторона его Я, та, что большую часть времени стоит на переднем плане — и существует сторона высшая, проявляющаяся только в моменты переходов, когда нужно «собираться с духом».

Что подразумевается под этой высшей частью, этим первообразом, и что — под повседневной стороной человека? Конечно, прежде всего я суть то, что я переживаю в себе в повседневности, что переживают от меня другие, что мне во мне знакомо, что я о себе знаю. Эту сторону человека можно

назвать повседневным Я. Оно обнаруживает себя в воспоминаниях. То, что я знаю, что наложило на меня свой отпечаток, что я воспринял от родителей и от их среды; то, что я знаю преимущества и теневые стороны моего темперамента; то, что я распознаю в себе то же дерево, из которого вытесаны все люди той местности, откуда я родом; то, что я знаю, что мне симпатично, а что антипатично; то, что я знаю свои предпочтения и знаю, чего я избегаю; то, что я имею свои привычки и нечто, на что могу полагаться; то, что я избегаю того, в чем не уверен; то, что у меня есть свои мнения и политические убеждения — все это мое повседневное Я. И когда меня спрашивают, кто я, и когда я хочу представиться кому-то при знакомстве — я ему обо всем этом рассказываю.

Но, как видно из предыдущей главы, вопреки повседневным проявлениям, это может быть еще не все, что составляет человека. Мы могли увидеть, что особенно в кризисных, переломных ситуациях в нем проявляется что-то еще, нечто совершенно иное. В том-то и состоит кризис, как это было показано, что повседневное Я больше ничем не может нам помочь. Мы не можем опереться на все то, что считали своими достижениями и в чем раньше находили уверенность: на наш опыт, наши способности, наши качества. *Тот шаг развития, который нам теперь предстоит, исходит не из повседневного Я.*

Простая логика подсказывает, что повседневное Я никак не может служить локомотивом развития. Ведь в таком случае биография представляла бы собой не что иное, как всего лишь перманентное линейное продолжение того, что Я уже знает о самом себе. Продолжение уже произошедшего, ставшего. Повседневное Я, сознающее себя только из воспоминания, состоит из уже свершившегося, то есть из элементов, уже завершивших свое развитие. Однако шаг развития состоит в

том, что теперь в жизнь входит, выпрямляясь, нечто новое. Шаг развития направлен вовне, за пределы уже случившегося.

Заострим для большей ясности: повседневное Я есть случившееся, достигнутое, оно всегда отмечено элементом окостенения. То, чего когда-то, возможно, приходилось достигать и завоевывать личными индивидуальными усилиями, теперь, будучи уже достигнутым, входит в перечень моего привычного инвентаря, становится типичным, типовым. Теперь это своего рода маска, чья суть в том, чтобы скрывать индивидуальное. «Persona» — это «маска» по-латыни. Слово происходит от глагола «per-sonare», «звучать сквозь». То есть моя персона, личность, мое повседневное Я — это типическая сторона во мне. Но за нею есть и индивидуальная сторона, звучащая сквозь повседневное Я в моменты прорывов.

Сущность повседневного Я — это инерция, пребывание в том, что о себе знаешь. Сущность Высшего Я — преобразование. Высшее Я знает обо всех смысловых возможностях, которые могут проявиться в моей теперешней земной жизни. Оно держит в своих руках красную нить (на самом деле их много, этих красных нитей) моей жизни, знает, каковы импульсы моего рождения и жизненные задачи, ради которых я пришел. Высшее Я есть то духовное ядро, что переходит из одной земной жизни в другую, каждый раз меняясь и обогащаясь новым опытом, который индивидуальность приобретает в этой жизни и квинтэссенция которого переносится далее в зачатке следующей, новой жизни.

Высшее Я — это единственная инстанция в человеке, чьей сущностью является предвидение, движение вперед и поиск перемен, которые ведут дальше. Потому именно это внутреннее ядро, хотя оно никогда не бывает видимым и доступным настолько непосредственно, как повседневное Я, является

первым союзником консультанта в биографическом консультировании.

Если обратиться к другим инстанциям, то *чувство* движется в сфере реагирования и всегда приходит следом. Даже там, где речь идет о чувствах, относящихся к будущему — предчувствии, опасении, страхе, а также радости предвкушения, — мы остаемся в сфере реагирования: чувствам требуется некое предварительное содержание, пусть даже представляемое, на которое они могли бы реагировать. В этом нет ничего плохого, но нет и ничего, что задавало бы направление.

Затем *привычки действия и мышления*: они по-настоящему исходят из прошлого. Мы что-то делаем или думаем, потому что мы уже давно так делаем или думаем и это в нас отложилось. Также и этот уровень в человеке не ищет нового. Он ищет упорядоченного, прочного, общепризнанного и лично проверенного.

Наконец, *физическая сторона человека*: вовлечь ее в преобразование — это самое трудное. Подчас мы переживаем такое: кто-то физически расцветает от новой встречи, кто-то, будучи любим, выходит за рамки своего душевного движения вплоть до физического омоложения — но также и в этих ситуациях преобразование исходит не из физического уровня.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ